

Отзыв
официального оппонента
о диссертации Л. Ю. Астахиной «Проблемы филологической
достоверности источников по русской исторической лексикологии»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертация Л. Ю. Астахиной посвящена основным вопросам лингвистического источниковедения, которые в последнее время не часто являются объектом специального исследования. Именно поэтому данная работа, несомненно, актуальна.

Актуальность данного исследования состоит в том, что поднята большая проблема, связанная с изучением письменных памятников, рассматриваются важнейшие для русского исторического языкознания вопросы – принципы работы с лингвистическими источниками. Это актуально именно сейчас, когда лингвистические исследования *рукописных* памятников ушли на второй план и работы по истории языка чаще выполняются на материале опубликованных текстов или словарей.

Научная новизна заключается в том, что вводится новое понятие *достоверность* источника, которое отграничивается от понятия *подлинность* источника (с. 19–20). Как отмечает автор, «введение понятия “достоверность источника” в лингвистическое источниковедение в качестве одной из категорий представляется шагом вперед в развитии этой отрасли науки, укрепляет ее основы и оказывает влияние на практическую работу с источниками» (с. 16). Под термином *достоверность* автор понимает «адекватность отражения в источнике лингвистических данных, присущих языку того времени, к которому относится источник» (с. 27). Понятие *достоверность* является центральным для всего исследования, о чем говорит и название диссертационной работы. Именно на этом понятии концентрируются основные теоретические установки автора.

Кроме того, базовые понятия лингвистического источниковедения (*лингвистический источник, лингвистическая содержательность и информационность*), разработанные С. И. Котковым, отнесены в настоящем исследовании не только к письменным памятникам (рукописным и опубликованным), но и распространены на такие источники, как лингвистические картотеки и словари. Достоинством работы является то, что Л. Ю. Астахина, опираясь на разработку вопросов лингвистического источниковедения в трудах С. И. Коткова, уточняет и дополняет основные понятия, связанные с изучением лингвистических источников. Говоря о связи лингвистического источниковедения и исторической лексикологии, Л. Ю. Астахина вводит понятие *лексическая содержательность* источника, что позволило выстроить классификацию лингвистических источников по этому параметру (с. 43–48). Автор разграничивает такие понятия как *информация, информативность* и источниковедческий термин *лингвистическая информационность* (с. 50–51), которые лингвистами-историками иногда употребляются недифференцированно.

Научная новизна работы заключается еще и в том, что в связи с проблемой достоверности обосновывается новый принцип классификации источников – по способу введения их в научный оборот, а также ставится вопрос о взаимодействии лингвистического источниковедения с исторической лексикологией и лексикографией.

Одна из целей работы Л. Ю. Астахиной, как указывает автор, – «определить и оценить степень филологической достоверности источников по истории русского языка для решения одной из важных проблем исторической лексикологии (и лексикографии) – выявление псевдогапаксов и предупреждение возникновения их в изданиях и исторических словарях» (с. 17). Думается, что цель данной работы, как выявилось в процессе ее реализации, гораздо шире: показать важность предварительного изучения источников, выявить все сложности в возможной трактовке языкового материала, представленного в письменном памятнике, предостеречь

исследователей от возможных ошибок, проанализировав причины их возникновения.

Несомненна **практическая значимость** данного исследования. Диссертация содержит большой фактический материал, который может быть использован при исследовании и издании лингвистических источников разного характера, в курсах истории русского языка, в практической словарной работе. Характер и объем представленного в диссертации материала и способы его подачи выступают своеобразным пособием для обучения работе с лингвистическими источниками. Это исследование необходимо рекомендовать как начинающим лексикологам и лексикографам, так и имеющим некоторый опыт в этой работе.

Следует подчеркнуть, что диссертационное исследование Л. Ю. Астахиной – результат большого опыта, скрупулезной многолетней работы, связанной и с изучением и изданием памятников письменности, и с лексикографической практикой.

Структура диссертации отражает основные направления работы автора. Она состоит из 5 глав (общий объем диссертации 635 с.), каждая из которых посвящена тому или иному аспекту исследования: общие понятия лингвистического источниковедения, рукописные и опубликованные памятники письменности как объекты лингвистического источниковедения, картотеки как особый тип источников по исторической лексикологии и лексикографии и др. Заключительная 5-я глава является своего рода иллюстрацией ко всему сказанному. В ней показано, насколько важна правильность прочтения письменного памятника (а в итоге достоверность источника) для того, чтобы избежать нередко встречающихся ошибочных вводов в лексику русского языка несуществующих слов – псевдогапаксов.

Лингвистическое источниковедение – наука во многом прикладная, практическая, и значимость и достижения ее не только в разработанной теории (это в первую очередь заслуга С. И. Коткова), но, может быть, в большей степени в накопленном опыте работы с письменными источниками,

как оригиналами, так и публикациями. Диссертация Л. Ю. Астахиной значима именно потому, что в ней обобщен огромный материал и по истории изучения письменных памятников, и по практической работе с источниками разного характера, и по опыту работы со словами, извлеченными из памятников письменности и изучаемыми для лексикологического анализа и лексикографического описания.

Один из принципиальных вопросов, рассматриваемых в данной работе, – вопрос о точности прочтения и восприятия текста письменного памятника и передачи его в издании или при создании словарной картотеки. Автор совершенно прав, подчеркивая, что «недостаточные навыки чтения старинных рукописей при подготовке их к изданию или при выписывании из них отдельных фрагментов для формирования картотеки снижают достоверность источников» (с. 8). Как известно, лингвистические правила издания древних текстов были разработаны С. И. Котковым и О. А. Князевской (Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности / Сост. О. А. Князевская, С. И. Котков. М.: Наука, 1962), однако в последние годы при издании, например, региональных памятников делового письма XVIII в. исследователи зачастую следуют собственным представлениям о передаче текста. Можно привести пример издания: Челябинская старина IX. Повседневный журнал по должности уездного землемера Горбунова по отказному делу при Каслинском заводе (1792 г.) (Челябинск, 2008). Автор издания постарался как можно точнее передать скорописный текст, сохранив особенности письма, и в итоге передал характерное для скорописи неразличение прописных и строчных букв, что привело к таким пассажам: *И предъ Столбомъ, Что Они С прежде бывшими волостями, И вышеписанной Геодезист мелников* и под. Интересный в лексическом отношении текст нельзя использовать, например, как источник «Словаря русского языка XVIII века», поскольку его невозможно цитировать в качестве словарных иллюстраций.

Другим примером может послужить «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», который базируется на материалах картотеки, выписки которой не всегда адекватны рукописям, что привело, например, к отказу авторов словаря от обозначения в словарных иллюстрациях выносных букв, что, в свою очередь приводит к курьезным прочтениям, например: *Осудари ниши воля вша* (вып. 4, с. 536), *И лубя драг и губы брат по прежнему* (вып. 4, с. 687) и под.

Одним из опорных вопросов, поднятых в исследовании Л. Ю. Астахиной, является вопрос о классификации источников. Автор, предлагая усложнить предложенную ранее систему, пишет: «По способу введения в научный оборот источники делим на первичные (рукописи), вторичные (картотеки, лексиконы) и промежуточные (публикации рукописей). Все эти группы отличаются друг от друга своими специфическими чертами, которые определяются отношением к ним их создателей» (с. 36). В особую группу Л. Ю. Астахина выделяет *промежуточные* источники – публикации рукописей – как несущие на себе «влияние субъективного фактора», то есть воздействие человека, впервые читающего рукопись и готовящего ее к изданию.

Процессу формирования промежуточных источников автор посвящает отдельную главу своей работы (4-ю), самую большую по объему, справедливо подчеркивая, что «по степени достоверности они серьезно отличаются от оригинальных рукописей, так как в них большую роль играет внимание автора публикации к рукописному тексту, ... направленность на выполнение поставленных при издании задач» (с. 198). Эту главу можно считать очерком по истории публикации письменных памятников в России: подробно описывается история издания целого ряда текстов («Русская правда», «Лаврентьевская летопись», «Судебник 1497 г.», «Древняя российская вивлиофика» и др.). Автор анализирует проблемы издания, говорит о роли в издании памятников и в разработке принципов издания рукописных текстов таких ученых, как В. Н. Татищев, К. Ф. Калайдович,

Ф.И. Буслаев, А. А. Шахматов, Б. А. Ларин и др. Очень важно, что Л. Ю. Астахина отдельно говорит о значении справочного аппарата при научных публикациях письменных памятников (с. 59–63). Этот раздел написан с глубоким знанием дела, с большим количеством примеров.

Несомненная заслуга Л. Ю. Астахиной – это описание Картотеки ДРС, основной базы «Словаря русского языка XI–XVII вв.», с позиций лингвистического источниковедения (с. 133–195). Автор пишет: «Как источник по истории языка с заданными свойствами всякая картотека может быть исследована по общим параметрам лингвистического источниковедения» (с. 134–135). Л. Ю. Астахина не только знаток истории создания Картотеки ДРС (История картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Авторский состав и источники / Сост. Л. Ю. Астахина. М.: Наука, 2001), но и глубоко понимающий исследователь, показавший важность интерпретации картотечных собраний как особого источника по истории русской лексики.

Несомненный интерес представляет последняя, 5-я, глава диссертации, в которой приведен огромный лексический материал, собранный Л. Ю. Астахиной, как из работ разных авторов, из ряда словарей, так и обнаруженный в процессе собственной работы над словарными статьями «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Л. Ю. Астахина – очень опытный словарник и исследователь древнерусских и старорусских письменных памятников. Многолетний опыт работы с Картотекой ДРС, с рукописями и публикациями позволяет автору диссертации «видеть» и предчувствовать возможные ошибки, неточности в прочтении тех или иных фрагментов текстов.

Надо отметить научную эрудицию автора, знание основных работ, посвященных проблемам источниковедческого исследования письменных памятников. Важно подчеркнуть доскональное знание и понимание языка памятников письменности, большую исследовательскую работу, которую автор проделал, собрав такое количество псевдогапаксов (более 1000).

Значительную часть диссертационного исследования Л. Ю. Астахиной занимают очерки, посвященные истории отдельных слов, описанию поисков лексиколога при раскрытии той или иной тайны слова (само существование слова, его семантика и ее развитие). Этот материал есть почти в каждой главе. Это подробное, обстоятельное, с полным знанием методики поисков материалов о слове (о его употреблении, возможной семантике, связях с другими словами и др.) описание пути, который должен проходить лексиколог. Таковы, например, очерки о словах с корнем *труш-* (*трушек, трушка, трушник, трушничество* с. 111–120), об истории одной лексико-семантической группы (*игра, потеха, потешение, веселье* (с. 163–179), об истории одного слова (*персть* с. 179–194), об изменении родовых и видовых соответствий в тематической группе при процессе терминологизации (с. 70–78) и др.

Эти очерки очень показательны во многих отношениях (поиски информации о слове, возможные ошибки и способы их избежать) и составляют ту часть работы, которая иллюстрирует и подтверждает основные взгляды автора, теоретические положения данной работы.

Диссертация содержит справочный отдел – Приложение, в котором дан список псевдогапаксов как рассмотренных в работе, так и только названных (с. 612–635).

Библиографический раздел диссертации включает 278 названий, из них 6 на иностранных языках (с. 585–606). В списке словарей указаны 344 названия, в том числе и словари разных языков (с. 606–611).

По теме диссертации опубликованы автореферат, 2 монографии, 64 статьи (17 из которых опубликованы в российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК), материалы 35 докладов и выступлений на конференциях разных уровней. Кроме того, Л. Ю. Астахина является автором 7 публикаций письменных памятников XVII в. (одна из публикаций – в соавторстве с С. И. Котковым, Л. А. Владимировой и Н. П. Панкратовой).

При всех достоинствах данной работы она вызывает и некоторые замечания.

1. Нам кажется, что общий недочет работы заключается в том, что не всегда прослеживается четкость в определении основных понятий, не всегда четко определяются различия и границы между называемыми типами, категориями. Например, вопрос о разграничении понятий *источник, памятник, текст, отдельная рукопись* (с. 29). Автор пишет: «Все эти группы отличаются друг от друга своими специфическими чертами, которые определяются отношением к ним их создателей» (с. 36), однако не указывает, какими именно. Нам кажется, что данную классификацию следовало бы обосновать и развернуть подробнее, дав определения или назвав классифицирующие признаки каждого из выделяемых типов.

В работе достаточно много попыток дать классификации, но чаще всего это ограничивается некоторым описанием, которое не дает четкой систематизации. Например, раздел «Виды изданий рукописей» (с. 199–202), в котором речь идет скорее не о видах издания, а о целях и правилах издания памятников историками, литературоведами. Собственно виды (факсимильные, фототипические) упоминаются в следующем разделе (с. 203–209).

Предложенную классификацию псевдогапаксов (с. 509–521), наверное, не совсем точно называть именно классификацией (11 групп). Скорее это систематизация причин появления в текстах несуществующих слов. В принципе следующий параграф содержит тот же перечень ошибок (ошибки при прочтении букв и их сочетаний, неверное деление буквенной последовательности и др.) при прочтении текста, которые приводят к возникновению псевдогапаксов.

2. Второе замечание касается утверждения автора, что «лексика в СлРЯ XI–XVII вв. отражает *систему*, характерную для языка охватываемого периода, и более того – её развитие» (с. 39). Наверное, все-таки нельзя говорить, что СлРЯ XI–XVII вв. отражает лексическую систему

«охватываемого периода». Во-первых, словарь представляет лексику на протяжении большого временного среза, показывает разное состояние языка (и, естественно, лексики) в отдельные периоды этого среза. Во-вторых, даже при специальных приемах показа лексической системы в словаре возникают сомнения в возможностях показа именно системы. Так, в одной из рецензий на «Словарь русского языка XVIII века», в котором разработаны специальные приемы показа системных связей слов на протяжении одного столетия (частичное гнездование, приемы показа вариантов, помета *Ср.* <авнить> для указания на синонимические связи слов, показ лексической и грамматической сочетаемости и др.), было высказано сомнение в возможности представления в словаре лексической системы: в словарных статьях находят отражение лишь «некоторые фрагменты системной организации лексики» (Гельгард Р. Р. Теоретические принципы разработки исторического словаря русского языка (по поводу «Проекта словаря русского языка XVIII века») // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 32).

3. В диссертации Л. Ю. Астахиной поднят важный вопрос о вторичных источниках – картотеках и словарях (с. 38–40). Но, на наш взгляд, он недостаточно раскрыт. И картотека и словарь, который создается на базе картотеки, по своей сути, конечно, вторичные источники, но их надо различать и по целям создания, и по способу реализации, и по способу использования и т. д. Одно создается на основе другого, и уже это определяет их разную содержательность и разную значимость в представлении лексического материала. Словарь – и источник, и в то же время результат исследования источников. Автор пишет: «зависит лингвистическая содержательность и от времени создания словаря, от степени развития различных наук, от культурного состояния общества, оказывающего влияние на эрудицию составителя». (с. 38). Наверное, она во многом зависит от концепции словаря, от того, какие основные задачи ставят создатели лексикографического труда. Об этом есть работы М. И. Чернышевой, например, статья «Параметры лексикографической критики» (Слово и

словарь. *Vocabulum et vocabularium*. Сборник научных трудов по лексикографии. Харьков–Клагенфурт, 2011. С. 8–10).

4. В диссертации не затронут такой важный вопрос, как принципы отбора источников и для лексикологической, и для лексикографической работы. Для раннего времени это не актуально, поскольку важно учитывать все сохранившиеся памятники (хотя возникает вопрос о выборе, например, списка или публикации из ряда существующих), но для XVI–XVII в. и более позднего времени вопрос отбора источников становится принципиальным.

5. На наш взгляд, можно было сказать больше о важности словоуказателей к публикациям источников, тем более что для лексикографа словоуказатель является нередко отправной точкой в работе с источником. Впервые в научной лингвистической практике такие словоуказатели появились в публикациях под руководством С. И. Коткова. Им посвящена статья Н. И. Тарабасовой «Об указателях слов к памятникам деловой письменности XVII века» (*Восточнославянские языки: источники для их изучения*. – М.: Наука, 1973. С. 63–71). Странно, что эта статья не упоминается в диссертации и не вошла в список литературы. При подготовке словоуказателя возникает много проблем: в какой форме показать исходное слово (в орфографии оригинала или в современной), восстанавливать ли начальную форму, даже если она не зафиксирована, или давать форму из текста, показывать ли причастия и деепричастия как отдельные слова или учитывать их при показе инфинитива глагола, показывать ли устойчивые сочетания, давать ли в отдельных случаях толкования и др. Если проанализировать словоуказатели к опубликованным в последнее время региональным памятникам XVII–XVIII вв., то можно обнаружить непоследовательность не только в разных работах, но даже и в одной (См.: Малышева И. А. Проблемы использования новых публикаций памятников делового письма XVIII века в лексикографической практике // *Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium*. Сборник научных трудов по лексикографии. Харьков–Клагенфурт, 2011. С. 26–31).

6. Можно отметить и некоторые недочеты в структуре работы. Нередки повторы (с. 84–85 – о смене лексики оценки качества хлеба, затем на с. 88–99 – этому посвящен отдельный параграф; о словах с корнем *изор-* упоминается на с. 85, затем подробно на с. 99–110), возможно, в таких случаях следовало бы сделать отсылки. Есть повторы в выводах по главам.

Некоторые разделы можно было бы объединить. Например, в разделе 3.2. «Лексическая содержательность Картотеки ДРС» (с. 135–143) речь идет о типах выборок и дан обзор источников, а подраздел 3.2.1. «Источники Картотеки ДРС и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (с. 143–147) является неким итогом сказанного выше и мог быть объединен с предыдущим разделом. На наш взгляд, логичнее было поместить раздел «Проблемы издания рукописей» из 2-й главы (с. 82–84) в 4-ю главу, где речь идет именно о публикациях и рассматриваются такие вопросы, как виды издания рукописей, лингвистическое издание, справочный аппарат публикаций и др.

7. Есть замечания к библиографии. В диссертации дан обзор региональных исторических словарей (с. 51), но в нем не указан словарь А. П. Майорова «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» (М., 2011, 583 с.), созданный на основе изучения письменных памятников из фондов центральных и региональных архивов. Лексика данных памятников описана и в монографии А. П. Майорова «Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века» (М., 2006). Ни словарь, ни монография в библиографическом списке не названы.

Высказанные замечания носят скорее рекомендательный характер и не снижают общей высокой оценки рассматриваемой работы

Диссертационное исследование Л. Ю. Астахиной выполнено на высоком научном уровне, выявляет научную эрудицию автора, полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г.,

№ 842, и автор, безусловно, заслуживает присвоения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент
доктор филологических наук
(10.02.01 – русский язык),
профессор,
ведущий научный сотрудник
Института лингвистических
исследований РАН

Мамз

Малышева Ирина Алексеевна

197374 г. Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 117, корп. 2, кв. 163
тел. (8-812)-601-11-20
e-mail: iamalysheva@mail.ru

199053 г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9, ИЛИ РАН
факс: (812)-328-46-11
тел.: (812)-328-16-11
e-mail: dir@iling.nw.ru

17 марта 2017 г.

Подпись *И. А. Малышева*
удостоверяю
ст. референт ИЛИ РАН *Васнова*

